

А. Н. ПРОТОПОВА

В чем корень

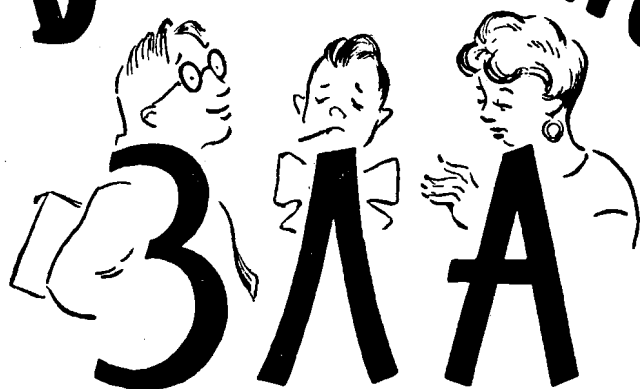

*Государственное
издательство*
**ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

А. Н. ПРОТОПОПОВА

В чем корень

*Педагогические
раздумья*

МОСКВА • 1961

А Н Протопопова — старый педагог, автор многих выступлений в печати по проблемам коммунистического воспитания.

Большой и сложной проблеме воспитания подрастающего поколения посвящена и книга очерков «В чем корень зла?» Как воспитать в человеке твердые коммунистические убеждения, коммунистический характер, социалистический гуманизм, беззаветную любовь к Родине, к труду на общее благо — вот узловые вопросы, которые автор ставит в книге. Она будет полезна самым широким кругам читателей, всем, кто озабочен будущим детей, их воспитанием.

СЛОВО ОТ АВТОРА

В 1932 году в статье «О старом и новом человеке» А. М. Горький писал: «В Союзе Советов один хозяин — вот основное его достижение и отличие от буржуазных государств. Этот хозяин — рабоче-крестьянское государство, руководимое организацией учеников Ленина. Цель, которую они поставили перед собой, совершенно ясна: эта цель — создать для каждой единицы... разноплеменного населения условия свободного роста ее талантов и способностей. Иными словами, перевести всю массу потенциальной и пассивной нервно-мозговой энергии в активное состояние».

Вся система советского воспитания подчинена, в конечном счете, разрешению именно этой задачи. Методы и формы коммунистического воспитания во всем их многообразии направлены на возбуждение активного отношения к миру, страстного стремления к творческому воздействию на мир. И в школе, и в

семье, и в обществе подрастающее поколение не только слышит в качестве наставлений, но и видит своими глазами такое сознательное, активное, творческое отношение к жизни. Сила положительного примера в коммунистическом воспитании играет исключительную роль.

Однако и в наши дни, в период развернутой борьбы за коммунизм, рядом с массовым трудовым героизмом, самоотверженностью, неподкупной честностью и душевной чистотой мы встречаем еще проявления эгоизма, корыстолюбия, трусости, вялости и худосочия общественных чувств, отсутствие чуткости и внимания во взаимоотношениях между людьми, остатки предрассудков, обывательщины и т. д. Совершенно очевидно, что в нашей практической воспитательной работе, в методах и формах ее есть еще много недодуманного и недоделанного, что не может не беспокоить каждого, кто имеет непосредственное отношение к воспитанию подрастающего поколения.

Очерки сборника обращены главным образом к *родителям и педагогам-воспитателям*.

Семейные неурядицы, неразумная любовь к детям, педагогическое невежество родителей, отсутствие связи со школой — вот главные факторы, которые не только мешают правильному воспитанию детей в семье, но, бывает, и разрушают в сознании ребенка то, что с большим трудом создает школа.

Погоня за формальными знаниями, без достаточных упражнений в правилах нравственного поведения, отсутствие должного индивидуального подхода к учащимся, слабая связь с семьей, а отсюда разноречивость в требованиях к воспитаннику — вот на мой взгляд, причины, по которым и школа другой раз неудовлетворительно справляется с задачами коммунистического воспитания.

Но иногда в семье и в школе у отдельных воспитателей встречается один общий недостаток: отсутствие ясной целеустремленности в воспитании детей. Воспитанник неплохо учится, не нарушает дисциплины, и поэтому в школе и в семье считают, что ученик этот благополучен. А потом оказывается, что человек-то вырастает эгоистом, что учится он не из любви к знаниям, а ради отметок, что слова у него расходятся с

делом, что у него нет характера, необходимого для вступления в общественную жизнь. Тогда спохватывается школа, спохватываются родители, но поправить дело уже бывает трудно.

Объединяя в сборник очерки о воспитании в семье и в школе, я ставила своей задачей, с одной стороны, привлечь внимание родителей не только к вопросам домашнего воспитания, но и к тому, как это воспитание отражается на учебно-воспитательном процессе в школе; с другой стороны, мне хотелось еще и еще раз на живых примерах показать, как сторицей оплачивается труд педагога, когда он не пожалеет ни сил, ни времени на то, чтобы помочь родителям овладеть основами педагогики и тем самым установить тесный, деловой контакт между семьей и школой.

В ЧЕМ КОРЕНЬ ЗЛА?

1. НЕСЧАСТЬЕ

— Товарищ начальник! Я прошу арестовать моего сына на пятнадцать суток и дать ему на это время трудную физическую работу.

Спешно дописывая для меня справку, начальник милиции, мой давнишний знакомый, Николай Елизарович Коромыслов, едва заметно усмехнулся. А когда поднял глаза на посетителя, на его лице нетрудно было прочесть: «Вот видите, с какими чудаками приходится иметь дело нашему брату!»

Но тут же выражение лица Николая Елизаровича изменилось. Опытный глаз начальника милиции моментально отметил, что перед ним стоит человек, во все не похожий на чудака. В наружности посетителя не было ничего примечательного, но в его глубоко запавших глазах было столько затаенного страдания, что у видавшего виды Николая Елизаровича вдруг запершило в горле. Кашлянув в кулак, он пригласил:

— Садитесь, пожалуйста. Расскажите.

— По профессии я конструктор. Вот мои документы.— Посетитель протянул начальнику паспорт и служебное удостоверение.

Взглянув на первую страничку паспорта, а затем на штамп о прописке, Николай Елизарович вернул документы.

— Я слушаю вас, Григорий Афанасьевич.

...Когда они «упустили» сына — они не знали. Ни отец, ни мать. Нельзя сказать, что мальчику не уделялось внимание. До восьмого класса Владимир учился неплохо, был послушен и поведение его не вызывало беспокойства. В восьмом классе он стал учиться хуже, что родители объяснили себе «переходным возрастом». Мать стала помогать ему в домашних занятиях, и в девятый класс Владимир перешел относительно благополучно.

А вот теперь, в девятом классе, поведение юноши круто изменилось. Он перестал учиться совсем. Родителей пригласили в школу. Оказывается, его уже «обсуждали» на классном собрании, с ним беседовали в комитете комсомола, говорила классная руководительница и даже директор школы. Что случилось? «Ничего особенного,— небрежно ответил Владимир.— А какой смысл учиться? Чтобы все равно на завод учеником?» «Зачем же учеником? — возразил отец.— Теперь ты уже в школе можешь получить профессию и стать потом квалифицированным рабочим». «Все это неинтересно»,— последовал ответ.

Родители растерялись. Ни слезы матери, ни уговоры и угрозы отца — ничто не действовало. Владимир ходил в школу, но продолжал получать двойки. Начал вдруг грубить учителям и родителям. А когда из школы поступил запрос, почему Владимир три дня не появлялся на занятиях, родителей охватил страх. Сын каждое утро уходил с учебниками, в свое время приходил обедать, а затем шел, по его словам, «к товарищам заниматься». Все это, значит, была ложь. Владимир проводил время неизвестно где.

На расспросы он не отвечал, но заявил, что учиться больше не будет. «Тогда иди работать»,— предложил отец. И вдруг: «Ишачить, как вы с мамой?» Отец остолбенел, мать схватилась за сердце. «Что же ты со-

бираешься делать?» — овладев собой, спросил отец. «Вот паспорт получу, тогда посмотрю». На другой день он явился к вечеру пьяный. В кармане у него мать обнаружила деньги. «Где ты взял деньги?» — спросила она. «У вас я их не брал», — ответил Владимир.

Я кратко изложила эту историю. Отец говорил больше часа. Говорил о долгих увещеваниях сына, о своих мучительных раздумьях, о нервном потрясении жены, о том, что у него самого дело валится из рук... Николай Елизарович не перебивал его. Бывает, что человеку в горе надо выговориться, и тогда на какое-то время боль как будто становится меньше.

— Вот я и... пришел к вам, — закончил отец свой печальный рассказ. — Ясно, что мальчик попал в дурную компанию. Проследить за ним мы не можем. Это не в деревне. Изолировать же его от дурной компании надо немедленно. Если это не вызовет перелома, тогда... в трудовую колонию. Обязательно. Он здоровый, сильный... Только труд может спасти его...

— М-мда-а... — раздумчиво произнес Николай Елизарович, привычно побарабанив пальцами по столу.

— Понимаю, — предупредительно подхватил отец. — Вы хотите сказать, что нужен суд, свидетели, приговор... Но зачем все это в данном случае? Я — отец. Я и свидетель, и судья. Кому же он более дорог? Конечно, я виноват. Что-то проглядел. Но я и жестоко наказан. Поверьте, это великое несчастье.

— Нет, я не то хочу сказать вам, — после небольшой паузы заговорил Николай Елизарович. — Конечно, это большое несчастье. Но дело в том, что вы хотите применить сильное средство, не зная причины болезни. Давайте условимся так: мы проследим, где и с кем бывает ваш сын, что он там нашел для себя интересного. Кто знает? Может быть, придется изолировать тех, кто на него влияет? А может быть, и вам станет яснее, что вы проглядели в воспитании сына. Потом встретимся, пригласим преподавателей, посоветуемся. Будет виднее. А пока вы возьмите себя в руки. Несчастье большое, но поправимое. Согласны с моим предложением?

На том и договорились. Отец ушел.

— За пятнадцать лет работы в милиции я многое повидал, — обратился ко мне Николай Елизарович. —

Но когда дело касается детей, не могу спокойно. Ну, скажем, ребенка бросает отец или мать, или они показывают дурной пример — есть еще такие! Тогда понятно, что дети иной раз растут вкривь и вкось. Но когда вот у таких, — Николай Елизарович кивнул на дверь, вслед ушедшему отцу, — я не понимаю. Этот человек мне немного известен. Мой товарищ живет с ним в одной квартире. Рассказывал. Отец — конструктор, мать — директор школы рабочей молодежи. Тоже работяга. Что же получается? Воспитывали родители — хорошие люди, воспитывали школа, пионеры, комсомол. Вдруг встречается «дурная компания» и все насмарку. Все хорошее, что ему вкладывали столько лет, — насмарку! В несколько месяцев, недель, а то и дней. Как же так? Стало быть, есть какие-то прорехи в воспитании? Вот и к нам приходят. И в печати сейчас каждый день читаешь: такой-то попал в дурную компанию и споткнулся, такого-то осудили, такого-то взяли на поруки. Общественность взялась крепко, особенно за тунеядцев. Это хорошо. Но этого мало! Надо и в корень смотреть. Дурная компания — это тоже наши, советские ребята. Стало быть, и в их воспитании были какие-то прорехи. И не у всех у них родители — плохие люди.

Над этими вопросами нельзя не задуматься. В самом деле, как же так? Почему в иных случаях дурное влияние оказывается сильнее хорошего? Почему все еще появляются в нашем обществе тунеядцы, лодыри, любители легкой наживы и легкой жизни? Это в наше-то время! В годы невиданного, поражающего воображение, трудового подъема! В годы, когда о коммунизме говорят не как о красивой мечте, а как о всенародно утвержденном и всенародно выполняемом, реальном плане. Когда духовная красота советского человека, его целеустремленность, его беззаветная отдача сил общенародному и общечеловеческому счастью, его несокрушимая вера в торжество коммунистических идей вызывают восхищение всех честных людей на земле. И вдруг — тунеядец, спекулянт, взяточник, какой-нибудь сектант-изувер и всякая прочая гниль. Откуда она? Что ее порождает?

Общественность сейчас требует покончить с тунеядством. Покончить с существующими ныне тунеяд-

цами, пожалуй, не так уж трудно. Даже странным кажется, что соответствующие государственные органы при огромной потребности в рабочей силе, до сих пор спуская рукава смотрели, как плодились и размножались, засоряя общество, сотни и тысячи здоровых, совершеннолетних дармоедов, живущих за счет неблагоприятных, нетрудовых доходов.

Где убеждением, а где и принуждением, где силой общественного мнения, а где и силой государственной власти можно и должно заставить работать всех. Но никакими декретами, указами, резолюциями нельзя заставить человека быть трудолюбивым, честным, добрым, отзывчивым, пламенным патриотом Родины, болеющим душой за общее дело. Судьбу человека решает воспитание. И если смотреть «в корень» — воспитание с самого раннего детства.

Допустим, что всех тунеядцев так или иначе заставили работать и даже ликвидировали всякие «дурные компании», которые влияют на некоторых детей и юношей. Но будет ли гарантировано наше общество от того, что на завтра не появятся новые тунеядцы? Нет, не будет.

Это станет возможным лишь тогда, когда в воспитании вновь подрастающего поколения не станет, по выражению Николая Елизаровича Коромыслова, «прореха».

В том, что у нас есть еще тунеядство со всеми из него вытекающими последствиями, одни обвиняют семью, другие — школу, третьи — семью и школу. Конечно, решающая роль в формировании нового человека принадлежит школе, которая располагает таким могучим средством педагогического воздействия, как обучение основам наук. Но наша школа, надо сказать, все еще перенасыщенная (в городах) учащимися (40, а то и 45 человек в классе!), никогда не справилась бы со своими задачами, если бы ей активно не помогала семья. И в том, что наша молодежь в массе своей вырастает достойной сменой старших поколений, заслуга не только школы, но и семьи.

В тех же случаях, когда семья плохо помогает, не помогает совсем или даже противостоит школьному влиянию, школа одна не всегда справляется, и тогда в воспитании образуется «прореха». А общество в ре-

зубьтате получает нравственного уroda, с которым многим потом приходится возиться, затрачивать немало времени и энергии, чтобы выправить человека.

Однако, осуждая за это родителей, нельзя думать, что во всех таких случаях родителями руководит злая воля. Есть, конечно, в отдельных семьях и безответственность, и преступная небрежность в выполнении родительского долга. Но таких родителей мало! В большинстве же случаев неправильное, а подчас и уродливое воспитание в семье объясняется тем, что родители — хорошие люди, но плохие воспитатели. Они не умеют воспитывать детей.

Привычно говорят: «Дети — всегда и везде — дети». И еще: «Вот, когда мы росли...» и т. д. Да, дети всех времен и народов имеют то общее, что все они от рождения беспомощны и нуждаются в нормальном уходе. А затем, с первыми проблесками сознания, влияние окружающей среды, методы воспитания, дух исторического времени делают детей разными. И подходить к современному советскому ребенку во всех случаях с меркой того времени, «когда мы росли», даже если это было пятнадцать и десять лет назад, значит совершать грубую педагогическую ошибку.

Молодой отец в дни своего детства, еще лет двадцать тому назад, на одном дыхании прочитывал фантастические романы Жюль Верна и Герберта Уэллса, а его шестилетний сын, не умеющий читать, деловито спрашивает: «Пап, а ты возьмешь меня с собой на Луну?» — «Возьму, Миша, когда туда будут летать так же, как из одного города в другой». А сын отвечает: «У-у, тогда будет неинтересно». В это бы вздуматься надо! Поговорить бы с ребенком, умом и сердцем прикоснуться к его интересам, его глазами взглянуть на мир. А отец: «Ну, иди-иди! Занимайся своим делом». Миша наподдает рукой «кабину», которую он перед этим смастерил из картона для полета на Луну, а вместе с «кабиной» со стола летят на пол пузырьки с чернилами и еще какие-то вещи. Отец возмущен: «Миша, иди в угол!» Миша становится в угол с ощущением разочарования, несправедливости, горькой обиды. А отцу и в голову не приходит, что многовековой давности педагогический прием — «иди в угол» — ничего, кроме

вреда, на этот раз не принес его сыну и ни на йоту не приблизил отца к духовному миру ребенка.

Есть некоторые педагогические принципы, выработанные лучшими людьми человечества, которые живут века. Но каждый век, а в наше бурное, стремительное время, может быть, каждый десяток лет требует от воспитателя новых и новых форм воплощения и этих старых, извечных принципов. Кто этого не понимает, кто не учитывает психологии современного ребенка и действует методами того времени, «когда мы росли», у того всегда будут «прорехи» в воспитании, тот не гарантирован от несчастья увидеть свое дитя сбившимся с правильного пути.

2. О НЕКОТОРЫХ «ПРОРЕХАХ»

Когда говорят, что родители потеряли авторитет потому, что их сын или дочь попали в «дурную компанию», можно с уверенностью сказать, что его, настоящего авторитета, никогда и не было.

Отец и мать ученика Владимира, о котором шла речь выше, считают, что до девятого класса они пользовались авторитетом у сына. На каком основании? На том, что Владимир неплохо учился, был «послушен», никаких из ряда вон выходящих поступков не совершал. Но задумывались ли родители над вопросом о том, какими мотивами вызывалось послушание мальчика? Бывает, что послушание вызывается страхом перед наказанием, в других случаях — надеждой что-то получить за послушание, в третьих — желанием поскорее избавиться от поручения, чтобы «не приставали», и т. п.

Такое послушание неизбежно порождает лживость, лицемерие, корыстолюбие, а в конечном счете — тунеядство. Ребенок, вырастая, привыкает выполнять указания старших, как говорят, «из-под палки» или «за конфетку». И если в какой-то момент подвергается «дурная компания» и протягивает ему, условно говоря, вместо конфетки плитку шоколада или бутылку коньяка, юноша плюет на послушание в семье, тем более, что на руках у него уже паспорт, и вступает на легкую дорожку. Родители ему уже «не указ».

А кругом, и прежде всего сами родители, удивляются: «Был пай-мальчик и вдруг...»

Послушание только тогда формирует положительный характер, когда оно бескорыстно, добровольно, вызвано искренним желанием помочь старшим, обрадовать их, когда оно и самому ребенку, подростку, юноше доставляет удовольствие, сообщает ему бодрое, жизнерадостное расположение духа. Такое послушание и является высшим свидетельством авторитетности родителей, можно сказать, настоящим триумфом воспитания.

«Вдруг» в формировании растущего человека ничего не бывает. «Вдруг» прорывается то, что накапливалось годами, постепенно. Вот, например, еще одна линия такого накопления, пожалуй, наиболее характерная для «прорех» в воспитании.

Каждый день, буквально каждый день, печать, радио, телевидение, кино приносят нам все новые и новые вести о грандиозных и величественных событиях в стране, о захватывающих открытиях и достижениях в науке, в технике, в искусстве, сообщают о трудовых подвигах и героических поступках людей на стройках коммунизма. Взрослый человек не только не устает удивляться и поражаться, но и чувствует, как в его душе поднимаются новые силы, пробуждается желание сделать что-то лучшее и большее в той области, в которой он трудится.

Надо ли говорить, какое сильное впечатление производит наша кипучая общественная жизнь на восприимчивую юную натуру, особенно натуру незаурядную, обладающую какими-то природными дарованиями? Ведь дети наши растут не под стеклянным колпаком, а среди нас, живут той же напряженной, творчески беспокойной жизнью. И это не может не отражаться на их психологии.

Вот девочка приседает перед телевизором и с увлечением копирует балерину, танцующую на экране. И девочке уже кажется, что лучше этой профессии нет на свете. А завтра она широко открытыми глазами, затаив дыхание, смотрит, как артистически лавирует ткачиха между рядами блестящих станков, и это новое для девочки открытие уже несет ее

в мечтах в сверкающий цех, и она уже воображает себя хозяйкой чудесных машин.

Мальчик сегодня больше всего на свете хочет быть полярным исследователем. А через некоторое время ему грезится новый самолет, который он сам изобрел (еще лучше, чем «ТУ-114»), или новый корабль (еще лучше, чем атомный ледокол). А потом под новым впечатлением он видит себя в непроходимой тайге, преодолевающим невероятные трудности в поисках новых месторождений каких-то неведомых металлов. И все это бескорыстно: порывы чистые, благородные.

Родителей приглашают в школу: «Ваш сын — способный мальчик, но очень рассеянный, разбросанный. Не умеет сосредоточиваться на одном деле, ничего не доводит до конца. Полагается работать в одном или двух кружках, а он записался сразу в пять. Внушите ему, что так нельзя». Родители внушают: «Слышишь? Так нельзя. Надо делать так, как говорят в школе. Надо слушаться».

Те и другие правы. Нет ничего вреднее для воспитания характера, как разбросанность, дробление душевных сил. В пяти кружках сразу действительно заниматься нельзя. Ну, а как же быть с бурным натиском благородной юношеской фантазии, с неудержимым стремлением как-то выявить себя, дать выход клокочущей энергии, с горячим желанием все сразу познать, все охватить, во всем попробовать свои силы? Ведь, в сущности, поэтому мальчик и записался в пять кружков сразу! А ведь это признак незаурядной натуры, страстно рвущейся навстречу новому, неизведанному! Это же предвестники рождения человека-творца! Вспоминается знаменитая гётевская ремарка во второй части Фауста: «Чрезвычайный шум возвещает восход солнца».

Можно привести тысячи примеров, показывающих, как семья и школа согласованными усилиями, проявляя при этом большой педагогический такт, глубоко проникают в душу такого «разбрасывающегося» ребенка и исподволь, а не безапелляционным «нельзя» вводят в русло бурлящие юные силы, стремления и игру фантазии; как, не гася порывов, а разжигая их, приобщают мятежную натуру к радостям упорного